

Татьяна Карпова

Я познакомилась с Григорием Юрьевичем Стерниным в 1984 году. После окончания МГУ имени М.В. Ломоносова я пришла работать в Третьяковскую галерею, в отдел живописи второй половины XIX века. В университете я занималась в семинаре О.С. Евангуловой, собиралась посвятить себя изучению искусства XVIII столетия, но жизненные обстоятельства сложились иначе, и я об этом не жалею – иначе я бы не встретилась с Григорием Юрьевичем. В университете у меня были замечательные педагоги, но мне хотелось учиться где-то еще.

Я поступила в аспирантуру Института искусствознания в качестве соискателя. До сих пор не понимаю, почему Григорий Юрьевич взял меня в свои аспирантки. Предъявить мне в тот момент было нечего, кроме реферата об австрийском портретисте-гастролере И.-Б. Лампи-старшем, написанного на основе диплома.

Учитывая мой опыт занятий портретом XVIII века и мой интерес к этому жанру, мы с Григорием Юрьевичем остановились на теме «Портрет в мире русской духовной культуры 1860–1870-х годов». Работа над диссертацией шла очень трудно. Для меня это была суровая школа. Например, я приношу текст главы Григорию Юрьевичу. Он читает и подчеркивает два-три абзаца, которые посчитал состоявшимися, а остальное идет «в корзину». Я приношу новый текст – с тем же результатом... И так продолжалось несколько лет, меня охватывало отчаяние, пока наконец мой научный руководитель не счел возможным допустить обсуждение первой главы диссертации на секторе изобразительного искусства Института, которое, надо сказать, прошло благополучно. Было чувство преодоления какого-то рубежа, перехода на иной уровень...

Григорию Юрьевичу важно было понять личность своего аспиранта, мотивацию в его занятиях «своей» темой. Он очень чутко и внимательно относился к увлеченным людям, но не терпел карьеристов в науке. Перед своими учениками он ставил высокие цели, до которых предстояло тянуться всю жизнь. Не все выдерживали «школу Стернина», некоторые «сходили с дистанции».

Беспощаден был Григорий Юрьевич в тех случаях, когда автор проявлял небрежность и не считал нужным сослаться на своих предшественников. Сам он был чрезвычайно щепетилен в этом вопросе. Многие труды Г.Ю. Стернина посвящены «портретам» ученых прошлого.

Он прохладно относился к жанрам научной популяризации. По долгу службы в Третьяковской галерее приходилось не только читать лекции в лектории музея, но и выступать на радиостанции «Эхо Москвы» с рассказами об отдельных картинах из собрания ГТГ. Эти выступления вызвали поток саркастических замечаний Григория Юрьевича. Вероятно, ему это казалось диким – произносить как бы от своего имени достаточно известные в профессиональной среде сентенции. Видимо, он считал,

что имя исследователя должно ассоциироваться только с оригинальным авторским высказыванием.

Не приветствовал Григорий Юрьевич и увлечение так называемым «научным туризмом». Он постоянно «сторожил» уклон своих учеников в суету, был против чрезмерного участия в «светских» мероприятиях, на которые так щедра жизнь Москвы, – вернисажи, презентации...

Он любил задавать неудобные и неожиданные вопросы, оправдывая свою «режущую» фамилию. Догнать его разящую иронию было невозможно. Его реакция была, как у фехтовальщика, – мгновенный ранящий укол и шаг назад. Я старалась не обижаться, пыталась понять, что стоит за язвительными выпадами моего учителя

Григорий Юрьевич учил любить архивы, газетные залы библиотек. Он умел в, казалось бы, частных явлениях художественной жизни увидеть новые горизонты «искусствопонимания». Но при этом позитивистское нанизывание фактов, пусть и любопытных, и малоизвестных, никогда не было искомым результатом.

Григорий Юрьевич ценил примечания, говорил, что нередко именно с них начинает читать книгу. Он учил относиться к сноскам как к параллельному тексту, который позволяет не загромождать статью или главу монографии фактами, побочными рассуждениями, дает возможность очищать основную мысль, делая ее более выпуклой и ясной.

Стернин был против занятий исключительно «шедеврами». Ему была дорога тема контекста, в котором рождается произведение искусства. Благодаря его убежденности и прозорливости комплексная «История русского искусства» в результате стала историей русской культуры, как он хотел и как предрекал. Он настаивал на включении в ИРИ провинциального материала, на том, чтобы не сосредоточиваться только лишь на столичных памятниках, церковной живописи и иконописи Нового времени. В музеях страны Григория Юрьевича хорошо знали и ждали. Его ученики работают в Ярославле, Перми и других городах России. Он умел объединять людей, «дарить» их друг другу. И мы, его бывшие аспиранты, не теряем друг друга из вида.

Он регулярно приходил к нам в Третьяковскую галерею, в отдел живописи второй половины XIX века, где работали три его ученицы – Элеонора Пастон, Татьяна Юденкова и я. Приходил не для комплиментарных разговоров, а для проверки «пульса» – следил за тем, не растеряли ли мы в музейной суете, в каждодневных рабочих заботах представление о смысле искусства, которым занимаемся.

Считаю своим большим везением в жизни, что у меня был Учитель, и этим Учителем был Григорий Юрьевич Стернин. Осталось желание позвонить, поговорить, рассказать...

Я думаю о нем с нежностью и бесконечной благодарностью.